

Сказка про славного
царя Гороха
и его прекрасных дочерей

- Княжна Крупеничка •
- Разбойничья застава •
- Горе-горинское •

Художник
Н. Бартрам

ЗОЛОТОЙ ВЕК КНИЖНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ

УДК 811.161.1-93
ББК 83.3
М12

Николай Дмитриевич Бартрам 1873—1931 гг.

Сказки этого сборника проиллюстрированы замечательным мастером, художником Серебряного века — Николаем Дмитриевичем Бартрамом. Для его рисунков характерны отточенная линия и гармония лаконичной цветовой гаммы. Этой мудрой простоте он во многом научился, изучая народное творчество. Особой страстью Николая Дмитриевича были русские народные игрушки. Они окружали его с детства.

Отец будущего художника — Дмитрий Эрнестович — был прекрасным акварелистом, закончившим Императорскую академию художеств. В его рабочем кабинете по стенам были развешаны многочисленные рисунки и эскизы изделий из дерева и игрушек. Там же стоял токарный станок, на котором вытачивались самые разные поделки. Для маленького мальчика это место было поистине волшебным — он вочию видел, как обычные куски дерева под руками мастера-отца превращаются в удивительные игрушки, приобретая изысканные формы и цвета.

Не удивительно, что позже, после окончания Московского училища живописи, ваяния и зодчества, Николай Дмитриевич всерьез увлекся «игрушечной» темой. Он изучал труды историков и сам написал ряд статей о художественной игрушке и народном искусстве. Во время своих многочисленных путешествий по России и за границу Н. Д. Бартрам покупал самые разные игрушки. В результате в начале XX века ему удалось организовать в Москве музей образцов при Кустарном музее. Ныне это Музей народного искусства. Собственные работы Бартрама, экспонировавшиеся в Париже на одной из Международных выставок декоративных искусств и художественной промышленности, получили золотые медали.

Николай Дмитриевич придумал новый вид игрушек. По его инициативе стали выпускаться миниатюрные обобщенные копии таких исторических объектов, как «Красные ворота», «Сторожевая башня», «Сухарева башня». Подобные «архитектурные игрушки» производились позже и в СССР. Александр Бенуа в одной из своих статей о развитии игрушечного промысла в России называл Бартрама не только тружеником и знатоком, но и «преlestным фанатиком идеи». Уже после революции 1917 года по инициативе Н. Д. Бартрама в Москве открылся Музей игрушки. Сначала экспозиция находилась в собственной квартире художника в Москве на Смоленском бульваре. Позже музей перевели в подмосковный Сергиев Посад.

Над иллюстрациями для детских книг и юмористических журналов Н. Д. Бартрам начал работать в самом начале XX века. В этих его работах сразу отчетливо проступили те приемы, которые художник творчески перенимал, исследуя народное творчество. Это прекрасные образцы «красоты без пестроты», до которой поднимаются лишь немногие мастера своего дела.

М12 Мамин-Сибиряк Д. Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку: — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2015, — 56 с.: ил.

СКАЗКА ПРѢСЛАВНОГО ЦАРЯ
ГОРХА И ЕГО ПРѢКРАСНЫХ
ДОЧЕРЕЙ ЦАРЕВНУ КЪСТАФЮ
И ЦАРЕВНУ
ГОРШИНКУ

СОЧИНИЛ Д.Н.МАМИН - СИБИРЯК
РИСОВАЛ Н.А.БАРТРАМ

по изданию Д. И. Тихомирова
г. Москва. 1904

СЛУЖАЮЩАЯ

коро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Сказываются сказки старикам да старушкам на утешенье, молодым людям на поученье, а малым ребятам на послушанье. Из сказки слова не выкинешь, а что было, то и быльем поросло. Только бежал мимо косой заяц — послушал длинным ухом, летела мимо жар-птица — по-

смотрела огненным глазом... Шумит-гудит зеленый лес, расстилается шелковым ковром трава-мурава с лазоревыми цветками, поднимаются к небу каменные горы, льются с гор быстрые реки, бегут по синю морю кораблики, а по темному лесу на добром коне едет могуч русский богатырь, едет путем-дорогою, чтобы добыть разрыв-траву, которой открывается счастье богатырское. Ехал-ехал богатырь и доехал до ростани, где сбежались три пути-дороженьки. По какой ехать? Поперек одной лежит дубовая колода, на другой стоит березовый пенёк, а по третьей ползет маленький червячок-светлячок. Нет дальше ходу богатырю.

— Чур меня! — крикнул он на весь дремучий лес. — Отвались от меня нечистая сила...

От этого покрика богатырского с хохотом вылетел из березового дупла сыч, дубовая колода превратилась в злоую ведьму и полетела за сычом, засвистели над богатырской головой черные вороны...

— Чур меня!..

И вдруг все пропало, сгнуло. Остался на дороге один червячок-светлячок, точно кто потерял дорогой камень-самоцвет.

— Ступай прямо! — крикнула из болота лягушка. — Ступай, да только не оглядывайся, а то худо будет...

Поехал богатырь прямо, а впереди поляна, а на поляне огненными цветами цветут папоротники. За поляной, как зеркало, блестит озеро, а в озере плавают русалки с зелеными волосами и смеются над богатырем девичьим смехом:

— У нас, богатырь, разрыв-трава! У нас твое счастье... Задумался могучий богатырь, остановился добрый конь.

Впрочем, что же это я вам рассказываю, малые ребята? — это только присказка, а сказка впереди.

Жил-был, поживал славный царь Горох в своем славном царстве гороховом. Пока был молод царь Горох, больше всего он любил повеселиться. День и ночь веселился, и все другие веселились с ним.

— Ах, какой у нас добрый царь Горох! - говорили все. А славный царь Горох слушает, бородку поглаживает, и еще ему делается веселее. Любил царь Горох, когда его все хвалили.

Потом любил царь Горох повоевать с соседними королями и другими славными царями. Сидит-сидит, а потом и скажет:

— А не пойти ли нам на царя Пантелея? Что-то он как будто стал зазнаваться на старости лет... Надо его проучить.

Войска у царя Гороха было достаточно, воеводы были отличные, и все были рады повоевать. Может быть, и самих побьют, а все-таки рады. Счастливо воевал царь Горох и после каждой войны привозил много всякого добра — и золотой казны, и самоцветных камней, и шелковых тканей, и пленников. Он ничем не брез-

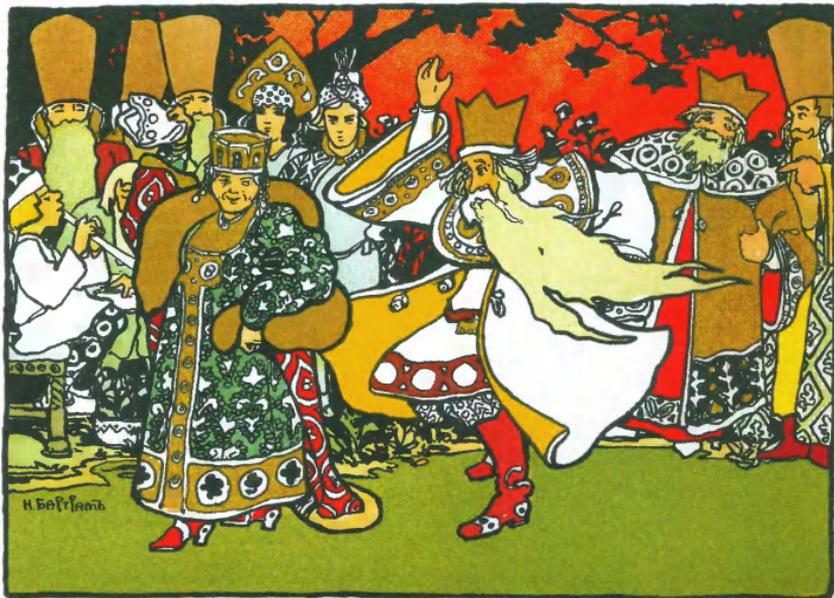
говал и брал дань всем, что попадало под руку: мука — подавай сюда и муку, дома пригодится; корова — давай и корову, сапоги — давай и сапоги, масло — давай масло в кашу. Даже брал царь Горох дань лыком и веником. Чужая каша всегда слаще своей и чужим веником лучше париться.

Все иностранные короли и славные цари завидовали удаче царя Гороха, а главное, его веселому характеру. Царь Пантелей, у которого борода была до колен, говорил прямо:

— Хорошо ему жить, славному царю Гороху, когда у него веселый характер. Я отдал бы половину своей бороды, если бы умел так веселиться.

Но совсем счастливых людей не бывает на свете. У каждого найдется какое-нибудь горе. Ни подданные, ни воеводы, ни бояре не знали, что у веселого царя Гороха тоже есть свое горе, да еще не одно, а целых два горя. Знала об этом только одна жена царя Гороха, славная царица Луковна, родная сестра царя Пантелея. Царь и царица от всех скрывали свое горе, чтобы народ не стал смеяться над ними. Первое горе заключалось в том, что у славного царя Гороха на правой руке было шесть пальцев. Он таким родился, и это скрывали с самого детства, так что

ЦАРИЦА ЛУКОВКА ПАЛЬЦА ПАВОЙ ОТВЕВАЯ СРЕБРЯНЫМИ КАБЛУЧКАМИ

славный царь Горох никогда не снимал с правой руки перчатки. Конечно, шестой палец — пустяки, можно жить и с шестью пальцами, а беда в том, что благодаря этому шестому пальцу царю Гороху всего было мало. Он сам признавался своей царице Луковне:

— Кажется, взял бы все на свете одному себе... Разве я виноват, что у меня так рука устроена?

— Что же, бери, пока дают, — утешала его царица Луковна. — Ты не виноват. А если добром не отдадут, так можно и силой отнять.

Царица Луковна во всем и всегда соглашалась с своим славным царем Горохом. Воеводы тоже не спорили и верили, что воюют для славы, отбирая чужую кашу и масло. Никто и не подозревал, что у славного царя Гороха шесть пальцев на руке и что он из жадности готов был отнять даже бороду у царя Пантелея, тоже славного и храброго царя.

ЦАРЕВНА ГОРОШИНКА БРА ТАЛАСЬ В КОЛОКОЛЬЧИК

II

Второе горе славного царя Гороха было, пожалуй, похуже. Дело в том, что первым у славного царя Гороха родился сын, славный и храбрый царевич Орлик, потом родилась прекрасная царевна Кутафья неописанной красоты, а третьей родилась маленькая-маленькая царевна Горошинка, такая маленькая, что жила в коробочке, в которой раньше славная царица Луковна прятала свои сережки. Маленькой царевны Горошинки решительно никто не видал, кроме отца с матерью.

— Что мы с ней будем делать, царица? — спрашивал в ужасе славный царь Горох. — Все люди родятся, как люди, а наша дочь с горошинку...

— Что же делать — пусть живет... — печально отвечала царица.

Даже царевич Орлик и прекрасная царевна Кутафья не знали, что у них есть сестра Горошинка. А мать любила свою Горошинку больше, чем других детей, — тех и другие полюбят, а эта мила только отцу с матерью.

Царевна Горошинка выросла ростом в горошинку и была так же весела, как отец. Ее трудно было удержать в коробочке. Царевне хотелось и побегать, и поиграть, и пошалить, как и другим детям. Царица Луковна заперлась в своей комнате, садилась к столу и открывала коробочку. Царевна Горошинка выскакивала и начинала веселиться. Стол ей казался целым полем, по которому она бегала, как другие дети бегают по настоящему полю. Мать протянет руку, и царевна Горошинка едва вскарабкается на нее. Она любила везде прятаться, и мать, бывало, едва ее найдет, а сама боится пошевелиться, чтобы, грешным делом, не раздавить родного детища. Приходил и славный царь Горох полюбоваться на свою царевну Горошинку, и она пряталась у него в бороде, как в лесу.

— Ах, какая она смешная! — удивлялся царь Горох, качая головой.

Маленькая царевна Горошинка тоже удивлялась. Какое все большое кругом — и отец с матерью, и комнаты, и мебель! Раз она забралась на окно и чуть не умерла от страха, когда увидела бежавшую по улице собаку. Царевна жалобно запищала и спряталась в наперсток, так что царь Горох едва ее нашел.

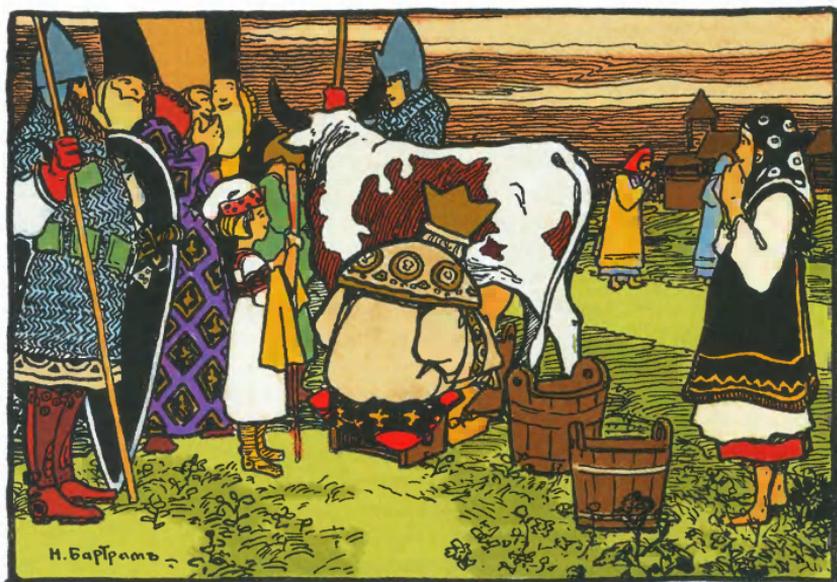
Всего хуже было то, что, как царевна Горошинка стала подрастать, — ей хотелось все видеть и все знать. И то покажи ей, и другое, и третье... Пока была маленькой, так любила играть с мухами и тараканами. Игрушки ей делал сам царь Горох — нечего делать, хоть и царь, а мастера для дочери игрушки. Он так выучился этому делу, что никто другой в государстве не сумел бы сделать такую тележку для царевны Горошинки или другие игрушки. Всего удивительнее было то, что мухи и тараканы тоже любили маленькую царевну, и она даже каталась на них, как большие люди катаются на лошадях. Были, конечно, и свои неприятности. Раз царевна Горошинка упросила мать взять ее с собой в сад.

— Только одним глазком взглянуть, матушка, какие сады бывают, — упрашивала царевна Горошинка. — Я ничего не сломаю и не испорчу...

**УВИДАЛА
ОНА МА-
ЛЕНЬКУЮ
ЦАРЕВНУ,**

**РАСКРЫЛА
ПАСТЬ**

— Ах, что я с ней буду делать? — взмолилась царица Луковна.

Однако пошли в сад. Царь Горох стоял настороже, чтобы кто-нибудь не увидел царевны Горошинки, а царица вышла на дорожку и выпустила из коробочки свою дочку. Ужасно обрадовалась царевна Горошинка и долго резвилась на песочке и даже спряталась в колокольчике. Но эта игра чуть не кончилась бедой. Царевна Горошинка забралась в траву, а там сидела толстая, старая лягушка — увидела она маленькую царевну, раскрыла пасть и чуть не проглотила ее, как муху. Хорошо, что вовремя прибежал сам славный царь Горох и раздавил лягушку ногой.

III

Так жил да поживал славный царь Горох. Все думали, что он останется веселым всегда, а вышло не так. Когда родилась царевна Горошинка, он уже был не молод, а потом начал быстро стариться. На глазах у всех старился славный царь Горох. Лицо осунулось, пожелтело, глаза ввалились, руки начали трестись, а старого веселья как не бывало. Сильно изменился царь Горох, а с ним вместе приуныло и все гороховое царство. Да и было отчего приуныть: состарившийся царь

Горох сделался подозрительным, всюду видел измену и никому не верил, даже самым любимым боярам и воеводам.

— Никому не верю! — говорил царь Горох им в глаза. — Все вы готовы изменить мне при первом удобном случае, а за спиной, наверно, смеетесь надо мной... Все знаю!.. Лучше и не оправдывайтесь.

— Помилуй, славный царь Горох! — взмолились бояре и воеводы. — Да как мы посмеем что-нибудь дурное даже подумать... Все тебя любят, славный царь Горох, и все готовы жизнь свою отдать за тебя.

— Знаю, знаю. Правые люди не будут оправдываться. Вы только то и делаете, что ждете моей смерти.

Все начали бояться славного царя Гороха. Такой был веселый царь, а тут вдруг точно с печи упал — и узнать нельзя. И скуп сделался царь Горох, как Кашей. Сидит и высчитывает, сколько добра у него съели и выпили гости да, кроме того, сколько еще разных подарков получили. И обидно старику, что столько добра пущено на ветер, жаль своей царской казны. Начал царь Горох всех притеснять, каждую денежку высчитывать и даже по утрам сидел в кухне, смотрел, как варят ему щи, чтобы повара не растащили провианта.

— Воры вы все! — корит царь Горох своих поваров. — Только отвернись, всю говядину из горшка повытаскаете, а мне одну жижу оставите.

— Смилуйся, царь-государь! — вопили повара и валялись у царя Гороха в ногах. — Да как мы посмеем таскать твою говядину из горшков...

— Знаю, знаю. У меня все царство вор на воре — воров погоняет.

ОДНАКО СКУЛЬКО
У МЕНЯ

РАЗВЕЛОСЬ
ИЗМЕННИКОВ

Дело дошло до того, что славный царь Горох велел при себе и хлеб резать, и сам считал куски, и даже коров доить стал, чтобы не выпили царского молока неверные слуги. Всем пришлось плохо, даже царица Луковна — и та голодала. Плачет, а попросить куска хлеба не смеет у царя. Исхудала, бедная, и только одному радовалась, что ровно ничего не стоило прокормить любимую дочь Горошинку. Царевна Горошинка была сыта крошечками...

«Испортили царя! — думали все. — Какой-нибудь колдун испортил, не иначе дело. Долго ли испортить всякого человека... А какой был у нас славный да веселый царь!..»

А славный царь Горох с каждым днем делался все хуже и злее. Начал он людей по тюрьмам сажать, а других прямо казнил. Ходят по всему гороховому царству немилостивые царские пристава, ловят людей и казнят. Чтобы услужить царю Гороху, они выбирали самых богатых, чтобы их именье пошло в царскую казну.

— Однако сколько у меня развелось изменников! — удивляется славный царь Горох. — Это они у меня столько всякого добра наворовали... А я-то по простоте ничего и не замечаю. Еще бы немного, так я бы сам с голоду помер...

IV

С каждым днем славный царь Горох делался все хуже и хуже, а народ все искал, кто его испортил. Искали-искали и наконец нашли. Оказалось, что царя испортила его родная дочь, прекрасная Кутафья. Да, она самая... Нашлись люди, которые уверяли, что своими глазами видели, будто она вылетала из дворца, обернувшись сорокой, а то еще хуже — бегала по городу мышью и подслушивала,

НАЕЗЖАЛИ ЖЕНИХИ СО ВСЕХ СТОРОН ♣

ГОРЬКО ПЛАКАЛА

кто и что болтает про царя. От нее, дескать, и все зло по гороховому царству пошло. Доказательства были все налицо: славный царь Горох любил только одну прекрасную царевну Кутафью. Он даже прогнал всех своих поваров, а главного повесил перед кухней, и теперь царское кушанье готовила одна прекрасная царевна Кутафья. Ей только одной верил теперь царь Горох и никому больше.

— Что нам делать теперь? — жаловались все друг другу. — Домашний враг сильнее всех... Погубит прекрасная царевна Кутафья все царство. Некуда нам деваться от колдуньи...

Впрочем, оставалась еще одна, последняя, надежда. О красоте царевны Кутафьи прошла слава по всем землям, и к царю Гороху наезжали женихи со всех сторон. Лиха беда в том, что она всем отказывала. Все нехороши женихи. Но ведь надоест же когда-нибудь ей в девках сидеть, выйдет она замуж, и тогда все вздохнут свободно. Думали, судили, рядили, передумывали, а прекрасная царевна Кутафья и думать ничего не хотела о женихе. Последним наехал к царю Гороху молодой король Косарь, красавец и богатырь, каких поискать, но и он получил отказ, то есть отказал ему сам царь Горох.

— Королевство у тебя маловато, король Косарь, — заявил ему славный царь Горох, поглаживая бородку. — Еле-еле сам сыт, а чем жену будешь кормить?

Обиделся король Косарь, сел на своего коня и сказал на прощанье царю Гороху:

— Из маленького королевства может вырасти и большое, а из большого царства ничего не останется. Отгадай, что это значит?

Славный царь Горох только посмеялся над хвастовством короля Косаря: молодде еще, на губах молоко не обсохло!

Царевны, прекрасной Кутафьи, отец даже не спросил, нравится ей жених или не нравится. Не девичье это дело женихов разбирать — отец с матерью лучше знают, кому отдать родное дитя.

Прекрасная царевна Кутафья видела из своего терема, как уезжал домой король Косарь, и горько плакала. Пришелся

КОРОЛЮ КОСАРЬ ПОСЛАЛ СОБАКУ С ОБРУБЛЕННЫМ ХВОСТОМ 🌿

ей к самому сердцу красавец король, да, видно, ничего против воли родительской не поделаешь. Всплакнула и царица Луковна, жалеючи дочь, а сама и пикнуть не смела перед царем.

Не успел славный царь Горох оглянуться, как король Косарь принялся разгадывать свою загадку. Первым делом он пошел войной на царя Пантелея, начал брать города и избил несчетное число народа. Испугался царь Пантелей и стал просить помощи у царя Гороха. Раньше они ссорились, а иной раз и воевали, но в беде некогда разбирать старых счетов. Однако славный царь Горох опять погордился и отказал.

— Управляйся, как знаешь, — сказал он через послов царю Пантелею. — Всякому своя рубашка ближе к телу.

Не прошло и полугода, как прибежал и сам царь Пантелей. У него ничего не осталось, кроме бороды, а его царством завладел король Косарь.

— Напрасно ты мне не помог, — укорял он царя Гороха. — Вместе-то мы его победили бы, а теперь он меня разбил и тебя разобьет.

— Это мы еще увидим, а твой Косарь — молокосос...

V

Завоевав царство Пантелея, король Косарь послал к славному царю Гороху своих послов, которые и сказали:

— Отдай нашему храброму королю Косарю свою дочь, прекрасную царевну Кутафью, а то тебе будет то же, что царю Пантелею.

Рассердился царь Горох и велел казнить Косаревых послов, а самому королю Косарю послал собаку с отрубленным хвостом. Вот, дескать, тебе самая подходящая невеста...

Рассердился и король Косарь и пошел войной на гороховое царство, идет — и народ, словно косой, косит. Сколько сел разорил, сколько городов выжиг, сколько народу погубил, а воевод, которых выслал против него царь Горох, в полон взял. Долго ли, коротко ли сказка сказывается, а только король Косарь подступил уже к самой столице, обложил ее кругом, так что никому ни проходу, ни проезду нет, и опять шлет послов к славному царю Гороху.

— Отдай замуж свою дочь, прекрасную царевну Кутафью, нашему королю Косарю, — говорят послы. — Ты первых послов казнил и нас можешь казнить. Мы люди подневольные.

— Лучше я сам умру, а дочери не отдам вашему королю! — ответил царь Горох. — Пусть сам берет, если сумеет только взять... Я ведь не царь Пантелей.

Хотел славный царь Горох и этих послов казнить, да за них вовремя заступилась сама прекрасная царевна Кутафья. Бросилась она в ноги грозному отцу и начала горько плакать:

— Лучше меня вели казнить, отец, а эти люди не виноваты... Сними с меня голову, только не губи других. Из-за меня, несчастной, напрасно льется кровь и гибнут люди...

— Вот как? Отлично... — ответил славный царь Горох. — Ты отца родного променяла на каких-то послов? Спасибо, доченька... Может

**ПРЕКРАСНАЯ ЦАРЕВНА
КУТАФЬЯ, ДАЙ НАМ
ХЛЕБА...**

быть, тебе хочется замуж за короля Косаря? Ну, этого ты не дожدهшься! Все царство загублю, а тебе не бывать за Косарем...

Страшно рассердился царь Горох на любимую дочь и велел посадить ее в высокую-высокую башню, где томились и другие заключенные, а в подвал были посажены Косаревы послы. Народ узнал об этом и толпами приходил к башне, чтобы ругать опальную царевну.

— Отдай нам наши города, взятые королем Косарем! — кричали ей снизу потерявшие от горя голову люди. — Отдай всех, которых убил король Косарь! Из-за тебя мы и сами перемрем все голодной смертью... Ты испортила и своего отца, который раньше не был таким.

Страшно делалось прекрасной царевне Кутафье, когда она слышала такие слова. Ведь ее разорвали бы на мелкие части, если бы она вышла из башни. А чем она виновата? Кому она сделала какое зло? Вот и родной отец ее возненавидел ни за что... Горько и обидно делается царевне, и горько-горько она плачет, день и ночь плачет.

— И для чего я только уродилась красавицей? — причитывала она, ломая руки. — Лучше бы мне родиться каким-нибудь уродом, хромой и горбатой... А теперь все против меня. Ох, лучше бы меня казнил отец!..

А в столице уже начинался голод. Голодные люди приходили к башне и кричали:

— Прекрасная царевна Кутафья, дай нам хлеба! Мы умираем с голоду. Если нас не жалеешь, то пожалей наших детей.

VI

Жалела прекрасную царевну Кутафью одна мать. Знала она, что дочка ни в чем не виновата. Все глаза выплакала старая царица Луковна, а мужу ничего не смела сказать. И плакала она потихоньку ото всех, чтобы кто-нибудь не донес царю. Материнское горе видела одна царевна Горошинка и плакала вместе с ней, хотя и не знала, о чем плачет. Очень ей жаль было матери — такая большая женщина и так плачет.

— Мама, скажи, о чем ты плачешь? — спрашивала она. — Ты только скажи, а я попрошу отца... Он все устроит.

— Ах, ты ничего не понимаешь, Горошинка!

Царица Луковна и не подозревала, что Горошинка знала гораздо больше, чем она думала. Ведь это был необыкновенный ребенок. Горошинке улыбались цветы, она понимала, о чем говорят мухи, а когда выросла большой, то есть ей исполнилось семнадцать лет, с Горошинкой произошло нечто совершенно необыкновенное, о чем она никому не рассказывала. Стоило ей захотеть — и Горошинка превращалась в муху, в мышку, в маленькую птичку. Это было очень интересно. Горошинка

ОНА ПОНИМАЛА, О ЧЕМ ГОВОРИЛИ МУЖИ

пользовалась тем временем, когда мать спала, и вылетала в окно мухой. Она облетела всю столицу и все рассмотрела. Когда отец заключил прекрасную Кутафью в башню, она пролетела и к ней.

Царевна Кутафья сидела у окна и горько-горько плакала. Муха-Горошинка полетала около нее, пожужжала и наконец проговорила:

— Не убивайся, сестрица. Утро вечера мудренее...

Царевна Кутафья страшно перепугалась. К ней никого не допускали, а тут вдруг человеческий голос.

— Это — я, твоя сестренка Горошинка.

— У меня нет никакой сестрицы...

— А я-то — на что?

Горошинка рассказала о себе все, и сестры поцеловались. Теперь обе плакали от радости и не могли наговориться. Прекрасная царевна Кутафья смущалась только одним: именно, что маленькая сестренка Горошинка умеет превра-

щаться в муху. Значит, она колдунья, а все колдуньи злые.

— Нет, я не колдунья, — объясняла обиженная Горошинка. — А только заколдована кем-то, и на мне положен какой-то зарок, а какой зарок — никто не знает. Что-то я должна сделать, чтобы превратиться в обыкновенную девушку, а что — не знаю.

Прекрасная царевна Кутафья рассказала о всех своих злоключениях: как она жалела отца, который сделался злым, а потом сколько горя из-за нее терпит теперь все гороховое царство. А чем она виновата, что король Косарь непременно хочет жениться на ней? Он даже и не видал ее ни разу.

— А тебе он нравится, сестрица? — лукаво спросила Горошинка.

Прекрасная царевна Кутафья только опустила глаза и покраснела.

— Раньше нравился... — объяснила она со смущением. — А теперь я его не люблю. Он — злой...

— Хорошо. Понимаю. Ну, утро вечера мудренее...

VII

Все гороховое царство было встревожено. Во-первых, царевич Орлик попался в плен злому королю Косарю, а во-вторых, исчезла из башни прекрасная царевна Кутафья. Отворили утром тюремщики дверь в комнату царевны Кутафьи, а ее и след простыл. Еще больше удивились они, когда увидели, что у окошка сидит другая девица, сидит и не шелохнется.

— Ты как сюда попала? — удивились тюремщики.

— А так... Вот пришла и сижу.

И девица какая-то особенная — горбатая да рябая, а на самой надето платьишко худенькое, все в заплатках. Пришли тюремщики в ужас:

— Что ты наделала-то, умница? Ведь расскажут нас славный царь Горох, что не уберегли мы прекрасной царевны Кутафьи...

Побежали во дворец и объявили все. Прибежал в башню сам славный царь Горох — так бежал, что и шапку дорогой потерял.

— Всех казню! — кричал он.

— Царь-государь, смилуйся! — вопили тюремщики, валяясь у него в ногах. — Что хочешь делай, а мы не виноваты. Видно, посмеялась над нами, бедными, прекрасная царевна Кутафья...

Посмотрел славный царь Горох на рябую девицу, которая как ни в чем не бывало сидела у окошка, и подивился не меньше тюремщиков.

— Да ты откуда взялась-то, красота писаная? — строго спросил он.

— А так... Где была, там ничего не осталось.

Удивляется славный царь Горох, что так смело отвечает ему рябая девица и насколько его не боится.

— А ну-ка, повернись... — сказал он, удивляясь.

Как поднялась девица, все увидели, что она хромая, а платьишко на ней едва держится — заплатка на заплате.

«Этакую ворону и казнить даже не стоит», — подумал славный царь Горох.

Собрались тюремщики, тоже смотрят и тоже дивуются.

— Как тебя звать-то, красавица? — спросил царь Горох.

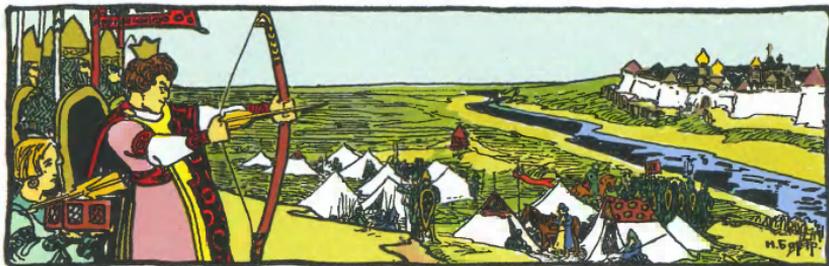
— А как нравится, так и зови... Прежде звали Босоножкой.

— А ты меня не боишься?

— Чего мне тебя бояться, когда ты добрый... Так и все говорят: какой у нас добрый царь Горох!

Много всяких чудес посмотрелся царь Горох, а такого чуда не видывал. Прямо в глаза смеется над ним мудреная девица. Задумался славный царь Горох и даже не пошел домой обедать, а сам остался караулить в башне. Тюремщиков заковали в цепи и отвели в другую тюрьму. Не умели ухранить царской дочери, так пусть сами сидят...

ПРИВЯЗЫВАЕТ ПИСЬМО К СТРЕЛЕ И ПУСКАЕТ В ГОРОД.

— Скажите царице Луковне, чтобы послала мне сюда щей и каши, — приказал царь Горох. — А я сам буду сторожить. Дело нечисто...

А царица Луковна убивалась у себя во дворце. Плачет, как река льется. Сына в полон взял злой король Косарь, прекрасная дочь Кутафья исчезла, а тут еще пропала царевна Горошинка. Искала-искала ее царица по всем комнатам — нет нигде Горошинки.

«Видно, ее мышь загрызла или воробей заклевал», — думала царица Луковна и еще больше плакала.

VIII

В столице славного царя Гороха и стон, и плач, и горе, а злой король Косарь веселится в своем стане. Чем хуже славному царю Гороху, тем веселее злому королю Косарю. Каждое утро злой король Косарь пишет письмо, привязывает его к стреле и пускает в город. Его последнее письмо было такое:

«Эй ты, славный царь Горох, немного у тебя закуски осталось, — приходи ко мне, я тебя накормлю. Царю Пантелею я хоть бороду оставил, а у тебя и этого нет — у тебя не борода, а мочалка».

Сидит славный царь Горох в башне, читает королевские письма и даже плачет от злости.

Весь народ, сбжавшийся к столице, страшно голодал. Люди умирали от голода прямо на улице. Теперь уже никто не боялся славного царя Гороха — все равно умирать. Голодные люди приходили прямо к башне, в которой заперся царь Горох, и ругали его:

— Вот, старый колдун караулит ведьму-дочь... Сжечь их надо, а пепел пустить по ветру. Эй, Горох, выходи лучше добром!

Слушает все эти слова царь Горох и плачет. Зачем он злился и притеснял всех? Пока был добрый — все было хорошо. Гораздо выгоднее быть добрым. Догадался царь Горох, как следовало жить, да поздно. А тут еще рябая девица сидит у окошечка и поет:

— Жил да поживал славный царь Горох, победить его никто не мог... А вся сила в том была, что желал он всем добра.

— Правда, правда... — шептал царь Горох, обливаясь слезами.

Потом мудреная девица сказала ему:

— Вот что, славный царь Горох... Не ты меня держишь в башне, а я тебя держу. Понял? Ну, так довольно... Нечего тебе здесь больше делать. Ступай-ка домой — царица Луковна очень соскучилась о тебе. Как придешь домой — собирайся в дорогу. Понял? А я приду за вами...

— Как же я пойду — меня убьют дорогой.

— Никто не убьет. Вот я тебе дам пропуск...

Оторвала девица одну заплатку от своего платья и подала царю. И действительно, дошел царь Горох до самого дворца, и никто его не узнал, даже свои дворцовые слуги. Они даже не хотели его пускать во дворец. Славный царь Горох хотел было рассердиться и тут же всех их казнить, да вовремя припомнил, что добрым быть куда выгоднее. Сдержался царь Горох и сказал слугам:

— Мне бы только увидеть царицу Луковну. Всего одно словечко сказать...

Слуги смилоствивились и допустили старика к царице. Когда он шел в царские покои, они сказали ему одно:

— Царица у нас добрая, смотри, не вздумай просить у нее хлеба. Она и сама через день теперь ест. А все из-за проклятого царя Гороха...

Царица Луковна узнала мужа сразу и хотела броситься к нему на шею, но он сделал ей знак и шепнул:

— Бежим скорее. После все расскажу.

Сборы были короткие — что можно, унесли в руках. Царица Луковна взяла только одну пустую коробочку, в которой жила Горошинка. Скоро пришла и Босоножка и повела царя с царицей. На улице догнал их царь Пантелей и со слезами заговорил:

— Что же это вы меня одного оставляете?

— Ну, идем с нами... — сказала Босоножка. — Веселее вместе идти.

ДЕВИЦА-КРАСА, ЧТО ТЫ СО МНОЙ СДЕЛАЛА

IX

Король Косарь стоял под столицей царя Гороха уже второй год и не хотел брать город приступом, чтобы не губить напрасно своих королевских войск. Все равно сами сдадутся, когда «досыта наголодаются».

От нечего делать веселится злой король Косарь в своей королевской палатке. Веселится и днем, веселится и ночью. Горят огни, играет музыка, поют песни... Всем весело, только горюют одни пленники, которых охраняет крепкая королевская стража. А среди всех этих пленников больше всех горюет царевич Орлик, красавец Орлик, о котором тосковали все девушки, выдавшие его хотя бы издали. Это был орленок, выпавший из родного гнезда. Но приставленная к царевичу стража стала замечать, что каждое утро прилетает откуда-то белобокая сорока и что-то долго стрекочет по-своему, по-сорочьему, а сама так и вьется над землянкой, в которой сидел пленный царевич. Пробовали стрелять в нее, но никто попасть не мог.

— Это какая-то проклятая птица! — решили все.

Как ни веселился король Косарь, а надоело ему ждать покорности. Послал он в осажденный город стрелу с письмом, а в письме написал царю Гороху, что если города ему не сдадут, то завтра царевич Орлик будет казнен. Ждал король Косарь

ответа до самого вечера, да так и не получил его. И в столице не знал еще никто, что славный царь Горох бежал.

— Завтра казнить царевича Орлика! — приказал король Косарь. — Надоело мне ждать. Всех буду казнить, кто только попадется мне в руки. Пусть помнят, какой был король Косарь!

К утру все было готово для казни. Собралось все королевское войско смотреть, как будут казнить царевича Орлика. Вот уже загудели уныло трубы, и сторожа вывели царевича. Молодой красавец не трусил, а только с тоской смотрел на родную столицу, стены которой были усыпаны народом. Там уже было известно о казни царевича.

Король Косарь вышел из палатки и махнул платком — это значило, что прощения не будет. Но как раз в это время налетела сорока, взвилась над землянкою пленного царевича и страшно затрещала. Она вилась над самой головой короля Косаря.

— Что это за птица? — рассердился король Косарь.

Придворные бросились отгонять птицу, а она так и лезет — кого в голову клюнет, кого в руку, а кому прямо в глаз норовит попасть. И придворные рассердились. А сорока села на золотую маковку королевской палатки и точно всех дразнит. Начали в нее стрелять, и никто попасть не может.

— Убейте ее! — кричит король Косарь. — Да нет, куда вам... Давайте мне мой лук и стрелы. Я покажу вам, как нужно стрелять...

Натянул король Косарь могучей рукой тугой лук, запела оперенная лебединым пером стрела, и свалилась с маковки сорока. Тут у всех на глазах свершилось великое чудо. Когда подбежали поднять убитую сороку, на земле лежала с закрытыми глазами девушка неописанной красоты. Все сразу узнали в ней прекрасную царевну Кутафью. Стрела попала ей прямо в левую руку, в самый мизинец. Подбежал сам король Косарь, припал на колени и в ужасе проговорил:

— Девушка-краса, что ты со мной сделала? Раскрылись чудные девичьи глаза, и прекрасная царевна Кутафья ответила:

— Не вели казнить брата Орлика...

Король Косарь махнул платком, а стража, окружающая царевича, расступилась.

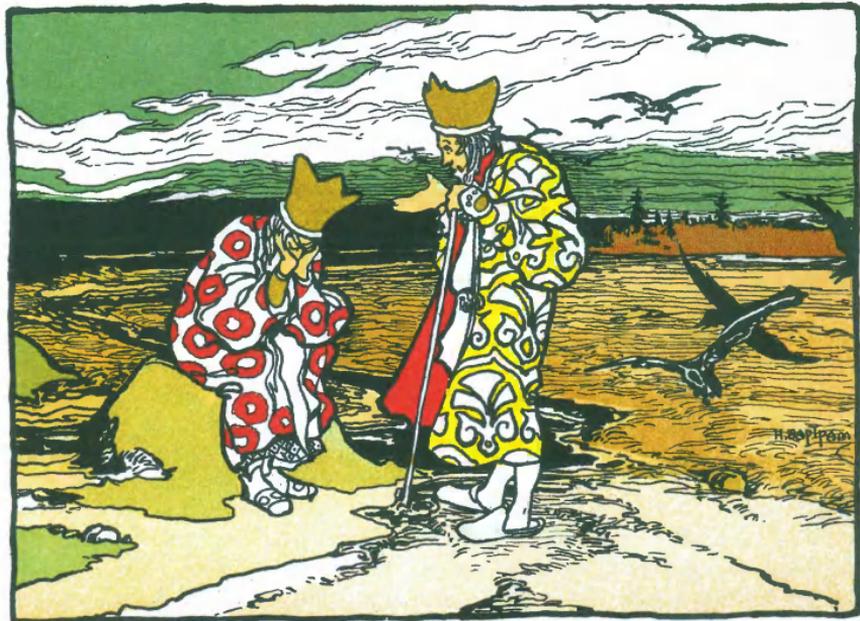
Х

Ведет Босоножка двух царей да царицу Луковну, а они идут да ссорятся. Все задирает царь Пантелей.

— Ах, какое у меня отличное царство было!.. — хвастается он. — Такого другого царства и нет...

— Вот и врешь, царь Пантелей! — спорит Горох. — Мое было не в пример лучше...

ПОСЛУШАИ, ЦАРЬ ПАНТЕЛЕЙ... ЗАГОВОРИ ЦАРЬ ГОРОХ - ПОСЛУШАЙ... БРОСЬ...

— Нет, мое!..

— Нет, мое!..

Как ни старается царь Горох сделаться добрым, а никак не может. Как тут будешь добрым, когда царь Пантелей говорит, что его царство было лучше.

Опять идут.

— А сколько у меня всякого добра было! — говорит царь Пантелей. — Одной казны не пересчитаешь. Ни у кого столько не было.

— Опять врешь! — говорит царь Горох. — У меня и добра и казны было больше.

Идут цари и ссорятся. Царица несколько раз дергала царя Гороха за рукав и шептала:

— Перестань, старик... Ведь ты же хотел быть добрым?

— А ежели царь Пантелей мешает мне быть добрым? — сердится славный царь Горох.

Всякий думает о своем, а царица Луковна — все о детях. Где-то красавец царевич Орлик? Где-то прекрасная царевна Кутафья? Где-то царевна Горошинка?

Младшей дочке было ей больше всего жаль. Поди, и косточек не осталось от Горошинки... Идет царица и потихоньку вытирает материнские слезы рукавом.

А цари отдохнут и опять спорят. Спорили-спорили, чуть не подрались. Едва царица Луковна их разняла.

— Перестаньте вы грешить,— уговаривала она их. — Оба лучше... Ничего не осталось, так и хвалиться нечем.

— У меня-то осталось! — озлился славный царь Горох. — Да, осталось... Я и сейчас богаче царя Пантелея.

Рассердился царь Горох, сдернул перчатку с правой руки, показал царю Пантелею свои шесть пальцев и говорит:

— Что, видел? У тебя пять пальцев всего, а у меня целых шесть — вот и вышло, что я тебя богаче.

— Эх ты, нашел чем хвалиться! — засмеялся царь Пантелей. — Уж если на то пошло, так у меня одна борода чего стоит..

Долго спорили цари, опять чуть не подрались, но царь Пантелей изнемог, присел на кочку и заплакал. Царю Гороху сделалось вдруг совестно. Зачем он хватался своими шестью пальцами и довел человека до слез?

— Послушай, царь Пантелей...— заговорил он.— Послушай... брось!..

— Никак не могу бросить, царь Горох.

— Да ты о чем!

— А я есть хочу. Лучше уж было остаться в столице или идти к злому королю Косарю. Все равно помирать голодной смертью...

Подошла Босоножка и подала царю Пантелею кусок хлеба. Съел его царь Пантелей да как закричит:

— А что же ты, такая-сякая, щей мне не даешь?! По-твоему, цари всухомятку должны есть? Да я тебя сейчас изничтожу...

— Перестань, нехорошо... — уговаривал царь Горох. — Хорошо, когда и кусок хлеба найдется.

XI

Долго ли, коротко ли вздорили цари между собой, потом помирились, потом опять вздорили, а Босоножка идет себе впереди, переваливается на кривых ногах да черемуховой палкой подпирается.

Царица Луковна молчала — боялась, чтобы не было погони, чтобы не убили царя Гороха, а когда ушли подальше и опасность миновала, она стала думать другое. И откуда взялась эта самая Босоножка? И платьишко на ней рваное, и сама она какая-то корявая да еще к тому же хромая. Не нашел царь Горох девицы хуже. Такой-то уродины и близко бы к царскому двору не пустили.

Начала царица Луковна посерживаться и спрашивает:

— Эй ты, Босоножка, куда это ты нас ведешь?

Цари тоже перестали спорить и тоже накинулись на Босоножку:

— Эй ты, кривая нога, куда нас ведешь?

Босоножка остановилась, посмотрела на них и только улыбнулась. А цари так к ней и подступают: сказывай, куда завела?

— А в гости веду... — ответила Босоножка и еще прибавила: — Как раз к самой свадьбе поспеем.

Тут уж на нее накинулась сама царица Луковна и начала ее бранить. И такая и сжаяя — до свадьбы ли теперь, когда у всякого своего горя не расхлебашь. В глаза смеется Босоножка над всеми.

— Ты у меня смотри! — грозилась царица Луковна. — Я шутить не люблю.

Ничего не сказала Босоножка, а только показала рукой вперед. Теперь все увидели, что стоит впереди громадный город, с каменными стенами, башнями и чудными хоромами. Перед городом раскинут стан и несметное войско. Немного струсили цари и даже попятились назад, а потом царь Пантелей сказал:

— Э, все равно, царь Горох! Пойдем... Чему быть — того не миновать, а может, там и покормят. Очень уж я о щах стосковался...

Царь Горох тоже не прочь был закусить, да и царица Луковна проголодалась.

Нечего делать, пошли. Никто и не думает даже, какой это город и чей стан раскинут. Царь Горох идет и корит себя, зачем он хвастался пред царем Пантелеем своими шестью пальцами, — болтлив царь Пантелей и всем расскажет. А царица Луковна начала прихорашиваться и сказала Босоножке:

— Иди-ка ты, чумичка, позади нас, а то еще осрамишь перед добрыми людьми...

Идут дальше. А их уже заметили на стану. Валит навстречу народ, впереди скачут вершники. Приосанились оба царя, а царь Пантелей сказал:

— Ну, теперь дело не одними щами пахнет, а и кашей с киселем... Очень уж я люблю кисель!..

Смотрит царица Луковна и своим глазам не верит. Едет впереди на лихом коне сам красавец царевич Орлик и машет своей шапкой. А за ним едет, тоже на коне, прекрасная царевна Кутафья, а рядом с ней едет злой король Косарь.

— Ну, теперь, кажется, вышла каша-то с маслом... — забормотал испугавшийся царь Пантелей и хотел убежать, но его удержала Босоножка.

Подъехали все, и узнал славный царь Горох родных детей.

— Да ведь это моя столица! — ахнул он, оглядываясь на город.

Спешились царевич Орлик и царевна Кутафья и бросились в ноги отцу и матери. Подошел и король Косарь.

— Ну, что же ты пнем стоишь? — сказал ему славный царь Горох. — От полкону голова не отвалится...

Поклонился злой король Косарь и сказал:

— Бью тебе челом, славный царь Горох!.. Отдай за меня прекрасную царевну Кутафью.

— Ну, это еще посмотрим! — гордо ответил царь Горох.

С великим торжеством повели гостей в королевскую палатку. Все их встречали с почетом. Даже царь Пантелей приосанился.

Только когда подходили к палатке, царица Луковна хватилась Босоножки, а ее и след простыл. Искали-искали, ничего не нашли.

— Это была Горошинка, мама, — шепнула царице Луковне прекрасная царевна Кутафья. — Это она все устроила.

Через три дня была свадьба — прекрасная царевна Кутафья выходила за короля Косаря. Осада с города была снята. Все ели, пили и веселились. Славный царь Горох до того развеселился, что сказал царю Пантелею:

— Давай поцелуемся, царь Пантелей... И из-за чего мы ссорились? Ведь, ежели разобрать, и король Косарь совсем не злой...

ДАВАЙ
ПОЦЕЛУЕМСЯ

ЦАРЬ
ПАНТЕЛЕЙ

XII

Когда царь Горох с царицей Луковной вернулся к себе домой со свадьбы, Босоножка сидела в царицыной комнате и пришивала на свои лохмотья новую заплатку. Царица Луковна так и ахнула.

— Да откуда ты взялась-то, уродина? — рассердилась старуха.

— Вы на свадьбе у сестрицы Кутафьи веселились, а я здесь свои заплатки чинила.

— Сестрицы?! Да как ты смеешь такие слова выговаривать, негодная!.. Да я велю сейчас тебя в три метлы отсюда выгнать — тогда и узнаешь сестрицу Кутафью...

— Мама, да ведь я твоя дочь — Горошинка!

У царицы Луковны даже руки опустились. Старуха села к столу и горько заплакала. Она только теперь припомнила, что сама Кутафья ей говорила о Горошинке. Весело было на свадьбе, и про Горошинку с радости все и забыли.

— Ох, забыла я про тебя, доченька! — плакалась царица Луковна. — Совсем из памяти вон... А еще Кутафья про тебя мне шепнула. Вот грех какой вышел!..

Но, посмотрев на Босоножку, царица Луковна вдруг опять рассердилась и проговорила:

— Нет, матушка, не похожа ты на мою Горошинку... Ни-ни! Просто взяла да притворилась и назвалась Горошинкой. И Кутафью обманула... Не такая у меня Горошинка была...

— Право, мама, я Горошинка, — уверяла Босоножка со слезами.

— Нет, нет, нет... И не говори лучше. Еще царь Горох узнает и сейчас меня казнить велит...

— Отец у меня добрый!..

— Отец?! Да как ты смеешь такие слова говорить? Да я тебя в чулан посажу, чумазию!

Горошинка заплакала. Она же о всех хлопотала, а ее и на свадьбу забыли позвать, да еще родная мать хочет в чулан посадить. Царица Луковна еще сильнее рассердилась и даже ногами затопала.

— Вот еще горошко навязалось! — кричала она. — Ну, куда я с тобой денусь? Придет уже царь Горох, увидит тебя — что я ему скажу? Уходи сейчас же с глаз моих...

— Некуда мне идти, мама...

— Какая я тебе мама!.. Ах ты, чучело гороховое, будет притворяться-то!.. Тоже, придумает: дочь!

Царица Луковна и сердилась, и плакала, и решительно не знала, что ей делать. А тут еще, сохрани бог, царь Горох как-нибудь узнает... Вот беда прикачнулась!

Думала-думала старушка и решила послать за дочерью Кутафьей: «Она помоложе, может, что и придумает, а я уж старуха, и взять с меня нечего...»

Недели через три приехала и Кутафья, да еще вместе со своим мужем, королем Косарем. Все царство обрадовалось, а во дворце поднялся такой пир, что царица

**КАК ТЫ СМЕЕШЬ ТАКИЕ
СЛОВА ГОВОРИТЬ**

Луковна совсем позабыла о Босоножке, то есть не совсем забыла, а все откладывала разговор с Кутафьей.

«Пусть молодые-то повеселятся да порадуются, — думала царица Луковна. — Покажи им этакую чучелу, так все гости, пожалуй, разбегутся...»

И гости веселились напрапалую, а всех больше царь Пантелей — пляшет старик, только борода трясется. Король Косарь отдал ему все царство назад, и царь Пантелей радовался, точно вчера родился. Он всех обнимал и лез целоваться так, что царь Горох даже немного рассердился:

— Что ты лижешь, Пантелей, точно теленок!

— Голубчик, царь Горохушко, не сердись!.. — повторял царь Пантелей, обнимая старого друга. — Ах, какой ты... Теперь я опять никого не боюсь и хоть сейчас опять готов воевать.

— Ну, это дело ты брось... Прежде я тоже любил повоевать, а теперь ни-ни!.. И так проживем...

Чтобы как-нибудь гости не увидели Босоножки, царица Луковна заперла ее в своей комнате на ключ, и бедная девушка могла любоваться только в окно, как веселились другие. Гостей наехало со всех сторон видимо-невидимо, и было что посмотреть. Когда надоедало веселиться в горницах, все гости выходили в сад, где играла веселая музыка, а по вечерам горели разноцветные огни. Царь Горох похаживал среди гостей, разглаживал свою бороду и весело приговаривал:

— Не скучно ли кому? Не обидел ли я кого? Хватает ли всем вина и еды? Кто умеет веселиться, тот добрый человек...

Босоножка видела из окна, как царь Пантелей с радости подбирал полы своего кафтана и пускался впрысядку. Он так размахивал длинными руками, что походил на мельницу или на летучую мышь. Не утерпела и царица Луковна — тряхнула стариной. Подбоченясь, взмахнула шелковым платочком и поплыла павой, отбивая серебряными каблучками.

— Эх-эх-эх!.. — приговаривала она, помахивая платочком.

— Ай да старуха! — хвалил царь Горох. — Когда я был молодой, так вот как умел плясать, а теперь брюхо не позволяет...

Босоножка смотрела на чужое веселье и плакала: очень уж ей было обидно чужое веселье.

Сидя у своего окошечка, Босоножка много раз видела сестру, красавицу Кутафью, которая еще более похорошела, как вышла замуж. Раз Кутафья гуляла одна, и Босоножка ей крикнула:

— Сестрица Кутафья, подойдите сюда!

В первый раз Кутафья сделала вид, что не слыхала, во второй раз — она взглянула на Босоножку и притворилась, что не узнала ее.

— Милая сестрица, да ведь это я, Горошинка!

Красавица Кутафья пошла и пожаловалась матери. Царица Луковна страшно рассердилась, прибежала, выбрала Босоножку и закрыла окно ставнями.

— Ты у меня смотри! — ворчала она. — Вот уж, дай только гостям уехать... Пристало ли тебе, чучеле, с красавицей Кутафьей разговаривать? Только меня напрасно срамишь...

Сидит Босоножка в темнице и опять плачет. Свету только и осталось, что щелочка между ставнями. Нечего делать, от скуки и в щелочку насмотришься. По целым часам Босоножка сидела у окна и смотрела в свою щелочку, как другие веселятся. Смотрела-смотрела и увидела красавца витязя, который приехал на пир случайно. Хорош витязь — лицо белое, глаза соколиные, русые кудри из кольца в кольцо. И молод, и хорош, и удал. Все любят, а другие витязи только завидуют. Нечего сказать, хорош был король Косарь, а этот получше будет. Даже гордая красавица Кутафья не один раз потихоньку взглянула на писаного красавца и вздохнула.

А у бедной Босоножки сердце так и бьется, точно пойманная птичка. Очень уж ей понравился неизвестный витязь. Вот бы за кого она замуж пошла! Да вся беда в том, что Босоножка не знала, как витязя зовут, а то как-нибудь вырвалась бы из своей тюрьмы и ушла бы к нему. Все бы ему до капельки рассказала, а он, наверно, пожалел бы ее. Ведь она хорошая, хоть и уродина.

Сколько гости ни пировали, а пришлось разъезжаться по домам. Царя Пантелея увезли совсем пьяного. На прощанье с дочерью царица Луковна вспомнила про свою Босоножку и расплакалась:

— Ах, что я с нею только делать буду, Кутафья!.. И царя Гороха боюсь, и добрых людей будет стыдно, когда узнают.

Красавица Кутафья нахмурила свои соболиные брови и говорит:

— О чем ты плачешь, матушка? Пошли ее в кухню, на самую черную работу — вот и все... Никто и не посмеет думать, что это твоя дочь.

— Да ведь жаль ее, глупую!

— Всех уродов не пережалешь... Да я и не верю ей, что она твоя дочь. Совсем не в нашу семью: меня добрые люди красавицей называют, и брат Орлик тоже красавец. Откуда же такой-то уродине взяться?

— Говорит, что моя...

— Мало ли что она скажет... А ты ее пошли на кухню, да еще к самому злому повару.

Сказано — сделано. Босоножка очутилась на кухне. Все повара и поварихи покатывались со смеху, глядя на нее:

— Где это наша царица Луковна отыскала такую красоту? Вот так красавица! Хуже-то во всем гороховом царстве не сыскать.

— И одежка на ней тоже хороша! — удивлялась повариха, разглядывая Босоножку. — Ворон пугать... Ну и красавица!

А Босоножка была даже рада, что освободилась из своего заточения, хотя ее и заставляли делать самую черную работу — она мыла грязную посуду, таскала помои, мыла полы. Все так ею и помыкали, а особенно поварихи. Только и знают, что покрикивают:

— Эй ты, хромая нога, только даром царский хлеб ешь! А пользы от тебя никакой нет...

Особенно донимала ее старшая повариха, злющая старая баба, у которой во рту словно был не один язык, а целых десять. Случалось не раз, что злая баба и прибьет Босоножку: то кулаком в бок сунет, то за косу дернет. Босоножка все переносила. Что можно было требовать от чужих людей, когда от нее отказались родная мать и сестра! Спрячется куда-нибудь в уголок и потихоньку плачет — только и всего. И пожаловаться некому. Правда, царица Луковна заглядывала несколько раз на кухню и справлялась о ней, но поварихи и повара кричали в один голос:

— Ленивая-преленивая эта уродина, царица! Ничего делать не хочет, а только даром царский хлеб ест...

— А вы ее наказывайте, чтобы не ленилась, — говорила царица.

ВОТ ТАК КРАСАВИЦА

Стали Босоножку наказывать: то без обеда оставят, то запрут в темный чулан, то поколотят.

Больше всего возмущало всех то, что она переносила все молча, а если плакала, то потихоньку

— Это какая-то отчаянная! — возмущались все. — Ее ничем не проймешь... Она еще что-нибудь сделает с нами. Возьмет да дворец подожжет — чего с нее взять, с колченогой!..

Наконец вся дворня вышла из терпения, и все гурьбой пошли жаловаться царице Луковне:

— Возьми ты от нас, царица Луковна, свою уродину. Житья нам не стало с нею. Вот как замаялись с нею все — и не рассказать!

Подумала-подумала царица Луковна, покачала головой и говорит:

— А что я с ней буду делать? Надоело мне слушать про нее...

— Сошли ты ее, царица-матушка, на задний двор. Пусть гусей караулит. Самое это подходящее ей дело.

— В самом деле, послать ее в гусятницы! — обрадовалась царица Луковна. — Так и сделаем... По крайней мере, с глаз долой.

XIV

Совсем обрадовалась Босоножка, как сделали ее гусятницей. Правда, кормили ее плохо — на задний двор посылали с царского стола одни объедки, но зато с раннего утра она угоняла своих гусей в поле и там проводила целые дни. Завернет корочку хлеба в платок — вот и весь обед. А как хорошо летом в поле — и зеленая травка, и цветочки, и ручейки, и солнышко смотрит с неба так ласково-ласково. Босоножка забывала про свое горе и веселилась, как умела. С нею разговаривали и полевая травка, и цветочки, и бойкие ручейки, и маленькие птички. Для них Босоножка совсем не была уродом, а таким же человеком, как и все другие.

— Ты у нас будешь царицей, — шептали ей цветы.

— Я и то царская дочь, — уверяла Босоножка.

Огорчало Босоножку только одно: каждое утро на задний двор приходил царский повар, выбирал самого жирного гуся и уносил. Очень уж любил царь Горох поесть жирной гусятины. Гуси ужасно роптали на царя Гороха и долго гоготали:

— Го-го-го... ел бы царь Горох всякую другую говядину, а нас бы лучше не трогал. И что мы ему понравились так, несчастные гуси!

Босоножка ничем не могла утешить бедных гусей и даже не смела сказать, что царь Горох совсем добрый человек и никому не желает делать зла. Гуси все равно бы ей не поверили. Хуже всего было, когда наезжали во дворец гости. Царь Пан-

телей один съедал целого гуся. Любил старик покушать, хоть и худ был, словно Кашей. Другие гости тоже ели да царя Гороха похваливали. Вот какой добрый да гостеприимный царь... Не то, что король Косарь, у которого много не разгостишься. Красавица Кутафья, как вышла замуж, сделалась такая скупая — всего ей было жаль. Ну, гости похлопают глазами и уедут несолоно хлебавши к царю Гороху.

Как-то наехало гостей с разных сторон видимо-невидимо, и захотел царь Горох потешить их молодецкою соколиною охотой. Разбили в чистом поле царскую палатку с золотым верхом, наставили столов, навезли и пива и браги, и всякого вина, разложили по столам всякую еду. Приехали и гости — женщины в колымагах, а мужчины верхом. Гарцуют на лихих аргамаках, и каждый показывает свою молодецкую удаль. Был среди гостей и тот молодой витязь, который так понравился Босоножке. Звали его Красик-богатырь. Все хорошо ездят, все хорошо показывают свою удаль, а Красик-богатырь — получше всех. Другие витязи и богатыри только завидуют.

— Веселитесь, дорогие гости, — приговаривает царь Горох, — да меня, старика, лихом не поминайте... Кабы не мое толстое брюхо, так я бы показал вам, как надо веселиться. Устарел я немного, чтобы удаль свою показывать... Вот, спросите царицу Луковну, какой я был молодец. Бывало, никто лучше меня на коне не проедет... А из лука как стрелял — раз как пустил стрелу в медведя и прямо в левый глаз попал, а она в правую заднюю ногу вышла.

Царица Луковна вовремя дернула за рукав расхваставшегося мужа, и царь Горох прибавил:

— То бишь это не медведь был, а заяц...

Тут царица Луковна дернула его опять за рукав, и царь Горох еще раз поправился:

— То бишь и не заяц, а утка, и попал я ей не в глаз, а прямо-прямо в хвост... Так, Луковна?

— Так, так, царь Горох, — говорит царица. — Вот какой был удалый...

Расхвастались и другие витязи и богатыри, кто как умел. А больше всех расхвастался царь Пантелей.

— Когда я был молодой — теперь мне борода мешает, — так я одною стрелой убил оленя, ястреба и щуку, — рассказывал старик, поглаживая бороду. — Дело прошлое, теперь можно и похвастаться...

Пришлось царице Луковне дернуть за рукав и брата Пантелея, потому как очень уж он начал хвастаться. Смутился царь Пантелей, заняться стал:

— Да я... я... Я прежде вот как легок был на ногу: побегу и зайца за хвост поймаю. Вот хоть царя Гороха спросите...

— Врешь ты все, Пантелей, — отвечает царь Горох. — Очень уж любишь похвастать... да... И прежде хвастал всегда, и теперь хвастаешь. Вот со мною дей-

ствительно был один случай... да... Я верхом на волке целую ночь ездил. Ухватился за уши и сижу... Это все знают... Так, Луковна? Ведь ты помнишь?

— Да будет вам, горе-богатыри! — уговаривала расходившихся стариков царица. — Мало ли что было... Не все же рассказывать. Пожалуй, и не поверят еще... Может быть, и со мною какие случаи бывали, а я молчу. Поезжайте-ка лучше на охоту...

Загрели медные трубы, и царская охота выступила со стоянки. Царь Горох и царь Пантелей не могли ехать верхом и тащились за охотниками в колымагах.

— Как я прежде верхом ездил! — со вздохом говорил царь Горох.

— И я тоже... — говорил царь Пантелей.

— Лучше меня никто не умел проехать...

— И я тоже...

— Ну, уж это ты хвастаешь, Пантелей!

— И не думал... Спроси кого угодно.

— И все-таки хвастаешь... Ну, сознайся, Пантелеюшка: прихвостнул малым делом?

Царь Пантелей оглянулся и шепотом спросил:

— А ты, Горохушко?

Царь Горох тоже оглянулся и тоже ответил шепотом:

— Чуть-чуть прибавил, Пантелеюшка... Так, на воробьиный нос.

— И велик же, должно быть, твой воробей!

Царь Горох чуть-чуть не рассердился, но вовремя вспомнил, что нужно быть добрым, и расцеловал Пантелея.

— Какие мы с тобой богатыри, Пантелеюшка!.. Даже всем это удивительно! Куда им, молодым-то, до нас...

**ЧУТЬ-ЧУТЬ
ПРИБАВИЛ
ПАНТЕЛЕЮШКА**

**ТАК, НА
ВОРОБЬИНЫЙ
НОС.**

КАК ХОРОШО ЛЕТОМ В ПОЛЕ

XV

Босоножка пасла своих гусей и видела, как тешился царь Горох своею охотой. Слышала она веселые звуки охотничьих рогов, лай собак и веселые окрики могучих богатырей, так красиво скакавших на своих дорогих аргамаках. Видела Босоножка, как царские сокольничьи бросали своих соколов на разную болотную птицу, поднимавшуюся с озера или с реки, на которой она пасла своих гусей. Взлетит сокол вверх и камнем падет на какую-нибудь несчастную утку, только перышки посыплются. А тут отделился один витязь от царской охоты и несется прямо на нее. Перепугалась Босоножка, что его сокол перебьет ее гусей, и загородила ему дорогу.

— Витязь, не тронь моих гусей! — смело крикнула она и даже замахнулась хворостиной.

Остановился витязь с удивлением, а Босоножка узнала в нем того самого, который понравился ей больше всех.

— Да ты кто такая будешь? — спросил он.

Я - ЦАРСКАЯ ДОЧЬ

— Я царская дочь...

Засмеялся витязь, оглядывая оборванную Босоножку с ног до головы. Ни дать ни взять настоящая царская дочь... А главное, смела и даже хворостиной на него замахнулась.

— Вот что, царская дочь, дай-ка мне напиться воды, — сказал он. — Разжарился я очень, а слезать с коня неохота...

Пошла Босоножка к реке, зачерпнула воды в деревянный ковш и подала витязю. Тот выпил, вытер усы и говорит:

— Спасибо, красавица... Много я на свете видывал, а такую царскую дочь вижу в первый раз.

Вернулся богатырь на царскую ставку и рассказывает всем о чуде, на которое наехал. Смеются все витязи и могучие богатыри, а у царицы Луковны душа в пятки ушла. Чего она боялась, то и случилось.

— Приведите ее сюда — и посмотрим, — говорит подгулявший царь Пантелей. — Даже очень любопытно... Потешимся досыта.

— И что вам за охота на уродину смотреть? — вступилась было царица Луковна.

— А зачем она себя царскою дочерью величает?

Послали сейчас же послов за Босоножкой и привели перед царский шатер. Царь Горох так и покатился со смеху, как увидал ее. И горбатая, и хромая, и вся в заплатках.

— Точно где-то я тебя, умница, видел? — спрашивает он, разглаживая бороду. — Чья ты дочь?

Босоножка смело посмотрела ему в глаза и отвечает:

— Твоя, царь Горох.

Все так и ахнули, и царь Пантелей чуть не задохнулся от смеху. Ах, какая смешная Босоножка и как осрамила царя Гороха!

— Это я знаю, — нашелся царь Горох. — Все мои подданные — мои дети...

— Нет, я твоя родная дочь Горошинка, — смело ответила Босоножка.

Тут уж не стерпела красавица Кутафья, выскочила и хотела вытолкать Босоножку в шею. Царь Горох тоже хотел рассердиться, но вовремя вспомнил, что он добрый царь, и только расхохотался. И все стали смеяться над Босоножкой, а Кутафья так и подступает к ней с кулаками. Все замерли, ожидая, что будет, как вдруг выступил из толпы витязь Красик. Молод и горд был Красик, и стало ему стыдно, что это он подвел бедную девушку, выставил ее на общую потеху, да и обидно притом, что здоровые люди смеются и потешаются над уродцем. Выступил витязь Красик и проговорил:

— Цари, короли, витязи и славные богатыри, дайте слово вымолвить... Девушка не виновата, что она такую родилась, а ведь она такой же человек, как и мы. Это я ее привел на общее посмешище и женюсь на ней.

Подошел витязь Красик к Босоножке, обнял ее и крепко поцеловал.

Тут у всех на глазах случилось великое чудо: Босоножка превратилась в девушку неописанной красоты.

— Да, это моя дочь! — крикнул царь Горох. — Она самая!..

Спало колдовство с Босоножки, потому что полюбил ее первый богатырь, полюбил такую, какую она была.

Я там был, мед-пиво пил, по усам текло — в рот не попало.

КНЯЖНА КРУПЕНИЧКА

БЫЛИНА

в пересказе

А. А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА

**РИСОВАЛ Н. А. БАРТРАМ
ИЗДАЛ А. И. ТИХОМИРЪВ**

по изданию редакций журналов «Светлячок»,
«Путеводный огонек», «Дело и потеха»,
г. Москва. 1905

За морями, морями глубокими,
За горами крутыми, высокими
Князь с княгиней жил-поживал.
Без детей жизнь их шла в огорчении,
Но на старости лет, в утешение,
Бог единую дочь им послал.
Что тут радости было, что шуму, —
Не под силу о том рассказать...
Стали крепкую думу думать,
Как бы краше княжну им назвать...
Ни одно только имя не нравится,
Ни одно не подходит красавице:
Иное имя найдешь у князей,
У посадских иное встречается,
А простым-то — и всяк прозывается;

Нет, княжну надо звать похитрей!..
Старый князь говорит: «Так и этак»,
Головою княгиня трясет.
И, махнувши рукой, напоследок
Советаться князь думу зовет.
«А пошлем мы посла быстротечного...
— Дума молвила. — Первого встречного
Пусть опросит, как имя его, —
Так пускай и княжна называется»...
В путь-дорогу посол снаряжается,
Часу мешкать нельзя одного.
Не смыкает посол ясны оченки
День, другой, — все прохожего ждет,
Лишь на третий день около ноченьки
Видит, мимо старушка бредет.

И челом князю бьют в терему.
Важно выслушал князь донесение
И сказал: «Что-ж, и то утешение!
Пусть все будет по слову тому»...
Крупеничкой княжну нарекают,
Тут пошли и трезвон, и гульба...
Крупеничка растет, вырастает
Не по дням, — по часам, расцветает;
Ей и книжная мудрость люба.

Окликает посол: «Стой смиренхонько!..
Не утай, молви правду скорехонько,
Как зовут тебя стар-человек».
Молвит старая в отповедь:
«С радостью!.. осударь,
Меня издавна, с младости
„Крупеничкою” кличут весь век»...
Тут посол поразгневался дюже,
Стал старушку бранить и пытаться:
«Молви правду, не то будет хуже,
— Кто же мог тебя этак назвать»...
Крупеничка тут слезно взмолилася:
«В те поры, как на свет я родилася,
Не сама ж себе имя дала...
А я молвила истину сущую...
Отпусти перед смертью грядущего,
Чтоб покаяться Богу могла»...
И подумал посол: «Кто их знает, —
Может, в правду так кличут чудно»...
И на все он рукою махает,
Дескать, «мне-то не все ли равно»...
Вот посол ко двору возвращается,
И бояре с ним в терем собираются

Добротой ее все восхищаются:
Всем помочь словом, делом старается,
И скорбит она вечно душой
Пред народными бедами многими;
С сиротой, с горюнами убогими
Коротает она день-деньской...
Без утешного слова да ласки
Ни один карапуз не уйдет;
Им речисто ведет она сказки,
Колыбельные песни поет...
И больными она не гнушается,
Врачевать она боли старается,
Хорошо с ней больным беднякам!
Всем была она доброй сестрицею...
И та весть о княжне быстрой птицею
Разносилась по всем уголкам...
Ко двору уж и сваты собирались,
Да ждала за порогом беда,
По народу молва разлеталась, —
Что татарская встала орда.
Ниспослал нам Господь наказание,
Не спасти нам родные углы!..
«Золотая орда» грозной тучею

Шла, бедою грозя неминуемо, —
Князя лютой «войной воевать»,
Полонить его княжество славное,
Обложить его данью исправною
И в полон верных слуг его взять.
Выходил князь с дружиной на встречу, —
Им неведомы жалость и страх...
В ту кровавую, лютую сечу
Все легли на родимых полях...
Сжег татарин посевы, селения,
Полонил лиходей население.
Крупеничка попала в полон.
Злой татарин над ней издевается,
Привести в свою веру старается,
Увещает, знай, всячески он:
«Ты в убор оксамитный обрядишься,
Будешь в золоте чистом ходить,
В парчовые одежды нарядишься,
Станешь первой красавицей слыть.
Заживешь ты у нас беспечно,
Ото всех будет слава и честь.
Будешь спать на кровати хрустальной,

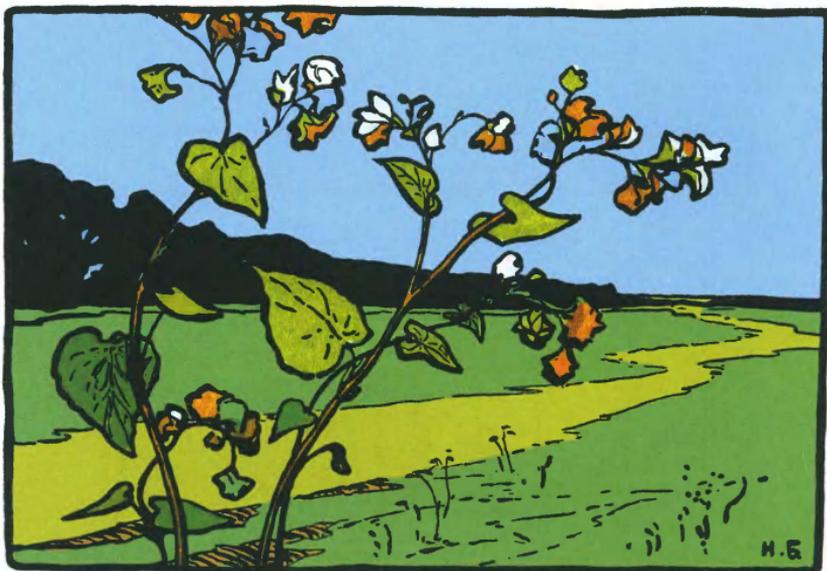
Лебединые яствушки есть».
Крупничка молчанья не рушает,
Окаянные речи те слушает,
Презирает и честь, и почет...
И спозналась княжна с тяжкой долею:
Ее мучит татарин неволею,
От трудов ей вздохнуть не дает;
Он томит ее тяжкой работою

Пожалела она сироту:
В одночасье княжну обратила она,
Гречневый, малым зерном
И в свой посох зерно схоронила
И пошла своим прежним путем.
В святорусскую землю далекую,
С верой истой, с любовью глубокою
Крупеничку старуха несла...
Как возговорит зернышко радостно:
«Из неволи жестокой и тягостной
Ты меня, Крупеничку, спасла.
Сослужи ты мне службу остатную:
Уж как будем в Руси мы святой, —
Брось меня на поля благодатные,
Схорони под родною землей...

И велит он ее веру сменять.
Все княжна исправляет с охотою,
А не хочет Христу изменять...
Загляни в ее душу хрустальную,
Что без ропота долю печальную
Из любви она к Богу несла, —
И увидишь ты силу могучую,
Святорусскую силу живучую,
Как она шаг за шагом росла...
Не гнушалася жизнью убогой, —
По полям, да в избушках курных
Сберегала и твердо и строго
Чистоту убеждений святых...
Из Святой Земли старица Божия
Чрез орду шла дорогой прохожею
И увидела в поле княжну
За работой великой и тягостной,
И в неволе, и жизни нерадостной —

Для родимой земли поработаю,
Для нее и умру я с охотою,
И душа свой покой обретет!»
Под землей схороненное талою
Стало в рост идти зернышко малое, —
Словно девица, греча цветет.
Как тут буйные ветры повеяли,
И на семьдесят семь ли полей
Они малые зерна развеяли,
По Руси они гречу рассеяли
Для трудящихся вечно людей...

РАЗБОЙНИЧЬЯ ЗАСТАВА

ПОВОЛЖСКАЯ БЫЛИНА

ГОРЬ-ГОРИНСКОЕ

ПЕСНЯ

пересказ

А. А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА

РИСОВАЛ Н. А. БАРТРАМ
ИЗДАЛ А. И. ТИХОМИРЪВ

по изданию редакций журналов «Светлячок»,
«Путеводный огонек», «Дело и потеха»,
г. Москва. 1906

РАЗБОЙНИЧЬЯ ЗАСТАВА

Ты, тулупчик ли, тулуп, на мне надет,
Я носил тебя, тулупчик, тридцать лет;
Обломал ты мне, тулупчик, мои плечи;
Не уйди с тобой, тулуп, от лютой сечи:
Грозен батюшка Иван Васильич-свет, —
Нам, разбойным людям, ввек прощенья нет.
Уж как полем шла дороженька-путинка,
Зарастала она вся крапивой-сиротинкой,
Что ни конному, ни пешим не пройти,
Царским воинам не вызнать к нам пути!..
Высоко взметнули к небу Жигули,
Глубоко в пещерке люди залегли,
Супротив легли зеленого лужочка,
Во теньке ракитова кусточка.
На Москве далекой и люди говорят,
Что разбойники бесчинства здесь творят...
Не свирель поет, не трубочки трубят,
Атаманы Колка с Жожгой говорят:
«Ай, ребятушки, не все-то слава Богу!

Нам царю придется выйти на подмогу:
Слышь, с востока птица вещая летит,
Ай, кабысь, во поле курево курит:
С силой лютой Кудреянице валит,
Наточите вы кинжалища острее,
Ружья огненные выправьте вернее,
Коль Микола не отступится от нас,
Кудреяница осилим в добрый час!»
Атаманушки стоят на бережке,
Нараспашку их тулупы на плече,
На ногах — зелен-сафьяна сапожки,
Шапки-мурmolки; в руках-то батожки...
Не робеют пред бедою неминучей...
А с бессметною ордою черной тучей
Кудреянице идет на них, грозит.
Во всю голову кричит, что гром гремит:
«А и кто же супротив меня пойдет?»
Уж не ты-ль пойдешь, разбойничий народ?»
Вы, послушайте да уши приклоните, —

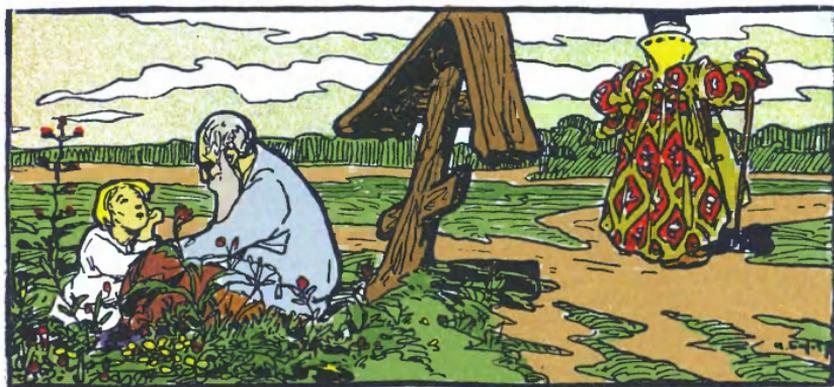

Вы ко мне, царю поганому, идите,
Одарю ужо вас милостью большой;
А пойдете супротивничать со мной,
Будут плакать буйны головы по плечам,
Ваши косточки мы по полю размечем,
С головней пройду я всю Святую Русь,
А что молвил вам, — так я не отопруть!»
Колка с Жожгой передать ответ велят:
«По тебе, поганом, плечики зудят!..
А и что ты похваляешься заране,
Бог пошлет нам одоление в честной брани,
Проглотить ты не проглотишь нас, авось,
А проглотишь, так подавишься, небось!»
Разъярился Кудряенище, дрожит,
С языка-то пена белая бежит,
Сапожком сафьянным о землю топочет,
Сбить разбойников единым махом хочет.

Потешаются разбойники: «Ан, врешь,
Сквозь разбойничью заставу не пройдешь!»
Приготовились ребята к лютой сечи,
Могутные расправляют они плечи,
Бьются день они друг с другом, бьются — два,
Не одна по плечам тужит голова...
Первый Колка с Кудряном бой заводит,
Бьется день и в землю по-колень уводит;
Бьется два, — и вовсе по-пояс ушел,
До конца борьбу честную не довел,
Поклонился, отходил себе в сторонку...
Тут уж Жожга скинул на-землю шляпчонку,
Сапожки оправил, сбросил армячок,
Засучил рукав да плюнул в кулачок...
Ухватился с Кудрянищем бороться, —
То разбойник, то татарин на бок гнется...
А и начал Жожга гнуть его да гнуть,
Повалил его, упер коленом в грудь,
Хочет груди ему черные вспороть...
«Видишь, вражий сын, за нас стоит Господь!»
То не ветер перелетный в поле свищет,
Калена-стрела людей разбойных ищет,
Калена-стрела от Грозного царя!..
Поразила она в грудь богатыря,
А другая Колку в поле настигала,
Из груди у Колки сердце вынимала...
Люди ратные с Москвы под Жигули
За разбойниками лютыми пришли...
Быстры реченьки кровавы вытекали
Из-под камня-горюна о том журчали:
«Уж ты, грозен-царь Иван Васильич-свет,
У тебя теперь защиты верной нет,

Поразил стрелой каленой ты не вора, —
От стрелы погибла верная опора,
Ты заступника-надежу порешил:
За тебя разбойный люд стеною был,
В грабежах они на Волге баловали,
У тебя прощенья выслужить желали»...
Ты, тулупчик, шуба новая моя,
Мне не нашивать на плечиках тебя!
Мать-сыра земля оденет нас тепло,
И добро хоронит, матушка, и зло,
Мать-сыра земля меня поуспокоит,
Тугоушам она тайны не откроет...
Ветер сильный нашу память разнесет,
И добром помянут царь нас и народ!..

ГОРЕ-ГОРИНСКОЕ

Ой, ты, горюшко-горинское,
Ой, ты, горе-горемычное!..
У тебя глаза завистливы;
Твое сердце неумчиво,
Твои руки-то загребисты;
И ты, горе, все бы слопало...
Ходит горе вечно по-миру,
По белому оно шатается;
Оно лычком опоясано,
У него в суме пустым-пустехонько,
Оно, горе, вечно голодно,
Ему, горю, вечно холодно,
С ним ли, с горем, не сторгуешься,
С ним и до-веку не стакаться;
А и в дверь гони, — в окно войдет,
А окно припрешь, — в трубу вползет,
И со всеми лихо-горюшко яхшается,
С обездоленными, с бедными
И с богатыми да знатными;
Только там оно в углу сидит,
Еще там оно ползком ползет,
За дверями притуляется...
А придет к несмелому да бедному, —
Оно, горюшко, хоробрится,
Во всю голову кричит-бунчит...
Ему настежь ворота распахни,
Ему с лавки пыль смахни,
Его с честью, окаянное, прими...
И за ласку за твою великую, —
Оно, горюшко, тебя душить почнет,
Оно, злое, тебя до-чиста оберет...
И ты до-веку не расцветаешься...

Оно, горюшко, слезою моется,
Оно завистью людскою кроется:
От него, от горя, никуда не уйдешь,
От него, лихого, только Бог бережет...
Еще сказывают про заветный заговор,
И тот заговор — в руках у нас:
От того заговора на руках мозлы,
От того заговора спина трещит, —
Спина трещит, работа спорится!..
И тех заговоров заветных
Горе-горюшко чурается.
От людей оно тогда прочь бежит
За тын, в огород,
Где крапива растет,
Где полынь цветет горькая, —
Там оно, горе, в землю уйдет,
Сгинь, пропади ты, постылице,
В матери-земле — кормилице!..

СОДЕРЖАНИЕ

Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей
царевну Кутафью и царевну Горошинку

1

Княжна Купеничка

35

Разбойничья застава

43

Горе-горинское

50

Д. Н. Мамин-Сибиряк
Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей
царевну Кутафью и царевну Горошинку

Художник
Н. Д. Бартрам

Ответственный за выпуск
С. Раделов

Дизайн обложки,
верстка,
обработка иллюстраций
М. Судакова

Подготовка к печати
А. Яскевич

Сдано в печать 07.04.2015
Объем 7 печ. листов
Тираж 5 000 экз.
Заказ № 007812

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru

СЗКЭО
Санкт-Петербург

Отпечатано
Jelgavas Tipogrāfija SIA
Langervaldes iela 1A, Jelgava,
LV-3002, LATVIA

Р. Э. Распа
Барон Мюнхгаузен
Худ. Г. Дора,
Ф. Годфрид

Д. Свифт
Путешествия
Гулливера
Худ. А. Робида

А. Пушкин
Золотой петушок
и другие сказки
Худ. Б. Зворыкин

Сказки старухи-говорухи о животных
Худ. С. Дулин и
Н. Ткаченко

Крылов
Басни
Худ. А. Жабя

Ветхий завет
Библийские истории
Худ. Г. Коплинг и др.

Алладин
Синдбад-мореход
Али-Баба
Худ. А. Робида

П. Ершов
Конек-Горбунок
Худ. А. Афанасьев

П. Висковатов
Сказки бабушки
Татьяны
Худ. А. Эйсер,
Г. фон Нидтик

Горюхи, Снегурочка,
Журавль и щаля,
Медведь, Война грибов,
Деревянный орел,
Теремок, Мигайрь
Худ. Г. Нарбут

Комар и ласточка,
Горькая луковка, Яга
и земляничка,
Прикладные зайчика,
Рождественский дед
Худ. Зворыкин

Сивка-Бурка, Иван-царевич и Царь-девица,
Кофей бессмертный,
По щучьему велению,
Мар-тида
По изд. И. Сытина

ISBN 978-5-9603-0352-1

9 785960 303521 >

EAS

6+

